

Протоиерей А. А. Романчук

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА,
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ,
ЖИРОВИЧИ, БЕЛОРУССИЯ

Состояние униатской паствы в пределах Российской империи накануне Полоцкого Собора 1839 года

Аннотация. В статье на основании источников как личного, так и официального происхождения рассматривается состояние униатской паствы в десятилетия, предшествующие Полоцкому объединительному Собору 1839 года. Положение униатов и состояние их религиозной жизни в это время имели ряд особенностей, которые в немалой степени обеспечили успех проекта их общего воссоединения с православными. Констатируется низкий социальный статус униатов, их удручающее экономическое положение, моральная зависимость от помещиков католиков латинского обряда и крайне неудовлетворительный уровень религиозного просвещения. Делается вывод о том, что состояние униатской паствы было отягчено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которая состояла в культивировании среди униатских верующих религиозного невежества, сопряжённого с социально-экономическим гнѐтом простого народа со стороны католической шляхты. Сложившееся в униатском церковном объединении положение не обеспечивало в конце XVIII — второй четверти XIX века сознательную приверженность простых верующих униии. Также униия, в которой за два века её существования восторжествовал клерикализм, оказалась

критически зависима от наиболее образованной и энергичной части своего клира — начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества. Никто не мог гарантировать, что в среде этих людей — подданных российского государства — не возникнет идея перейти в господствующее вероисповедание. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворённость людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения униатов с православными в 1794–1795 годах. Разделение разрывало соседские, родственные и даже экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии.

Ключевые слова: православие, католичество, уния, паства, воссоединение, Полоцкий объединительный Собор 1839 года

Для цитирования: Романчук А. А., прот. Состояние униатской паствы в пределах Российской империи накануне Полоцкого Собора 1839 года // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 10–29. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-10-29

К 1839 году число прихожан униатских церквей в пределах Российской империи составляло ровно 1 600 000 человек [по Литовской епархии — 986 249, по Белорусской епархии — 613 751¹]. Их воссоединение с православными по итогам Полоцкого объединительного Собора носило бескровный и малоконфликтный характер. Этот факт заставляет задуматься о том, что состояние униатской паствы имело ряд специфических особенностей как религиозного, так и социально-экономического характера, которые способствовали осуществлению проекта разрыва Брестской церковной унии в границах Российской империи, предложенного прелатом Иосифом (Семашко) в 1827 году. Выявление этих особенностей представляет собой сложную задачу из-за малого числа источников, раскрывающих умонастроения и чаяния простых людей в религиозной сфере. Тем не менее общее представление о том, что из себя представляла униатская паства в конце XVIII и в первые десятилетия XIX века и как особенности её положения повлияли на упразднение унии, можно составить.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38 385. Л. 11–13.

Прежде всего, нужно обозначить главное. Критическую важность для выживания униатского церковного объединения в пределах Российской империи, законодательно объявлявшей Православную Церковь господствующей в стране, а католичество лишь терпимой религией, имела уверенность простых верующих униатов в спасительности пути, предлагаемого унией. Только в этом случае от них можно было ожидать твёрдой приверженности униатскому церковному объединению перед лицом поддерживаемого властями православия. Однако идея объединения христиан Востока и Запада посредством заключения церковного союза является сложной и дискуссионной с богословской точки зрения. Её восприятие напрямую связано с высоким уровнем знания истин христианской веры и церковной истории, широтой теологического мышления, культурным плюрализмом и, самое главное, с определённым особым направлением богословского чувствования. Всё это не может быть доступно широким массам верующих, в основном живущих минимумом религиозных знаний и освящённой временем церковной традицией. Поэтому униатская идея в её чистом виде принадлежит немногочисленным маргиналам от духовной жизни. Её пропаганда хотя и является единственным средством приобрести для унии верных последователей, но не может иметь большого успеха. Далеко не случайным представляется то, что распространение церковной унии в Речи Посполитой не было связано с проповедью народу идеи восстановления христианского единства через союзный договор Церквей, но носило государственно-правовой и церковно-практический характер². С одной стороны, это обусловило переход в католичество римского обряда, минуя унию большого числа западнорусской шляхты и лично свободных мещан; с другой стороны,

² (Афанасий (Мартос) 1990: 210). Среди лично свободных слоёв населения уния в XVII веке пропагандировалась утверждением превосходства католичества над православием и заявлением, что якобы Киевская митрополия подчинялась Риму издавна, по меньшей мере со второй половины XV века. В подтверждение приводилось обнаруженное митрополитом Ипатием (Потеем) послание Киевского митрополита Мисаила папе Сиксту IV, датированное 1476 годом (Макарий (Булгаков), митрополит 1996: 185–186); сравн.: (Ипатий (Потей), митрополит 1887); (Ипатий, Потей, I, митрополит 1996); (Русина 2021). По поводу этого утверждения К. С. Сербинович метко замечает: «Папа в данной первым униатским епископам булле изъяснил: “Наконец через 150 лет (после Флорентийского собора. — А.Р.) возвращаетесь вы, о епископы российские, к камению веры...” и проч. Собственное тогдашнее признание Рима, что Русь от него до 1596 года не зависела, важнее всех нынешних противных тому догадок» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 427. Записка Сербиновича К. С. с оценкой статей о воссоединении униатов во французской прессе с приложением номеров «Journal des débats» от 23 ноября 1845 года, от 26 января, 23 и 25 апреля 1846 года и «Le siècle» от 15 октября 1845 года. Л. 7).

массы крепостных крестьян были объявлены униатами формально. Названные униатами крестьяне не разбирались в различиях между православным и католическим вероучениями, а в обрядах Кирилло-Мефодиевской традиции видели религиозную святыню и ограждение своей русской этничности, которые являлись единственной защитой от угрозы ополячивания³. В итоге Брестская уния за два века своего существования так и не сумела превратить предков современных белорусов и малороссов в убеждённых католиков. Это со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма признают современные белорусские апологеты унии. «Факт захавання пад уніяцкай абалонкай праваслаўнай веры, — пішет С. В. Морозова, — адзначаны Ф. Энгельсам і пацверджаны шматлікімі крыніцамі» (Марозава 2001: 84)⁴. Обращение

³ Брестская уния заключалась не в рамках экуменической флорентийской экклезиологии, в которой допускались догматический диалог и терпимость к разнообразию литургических практик. Уния в Речи Посполитой заключалась на основании тридентского теологического мышления, выработанного католической церковью в период острейшей борьбы с реформацией. В границах этого мышления не было места для толерантного отношения к иным церковным традициям, речь могла идти исключительно об инкорпорации части Православной Церкви Римом (Об этом см.: (Адрианов 2002: 139); (Пирлинг 1912: 20). Рим сохранял в унии восточное богослужение, что было закреплено в булле Климента VIII «Magnus Dominus», однако уже А. Поссевин полагал, что со временем русские униаты должны перейти на латинский обряд как более совершенный (Галадза 1997: 5–6). Ещё более нетерпимым был известный латинский богослов Х. Сарагоса, член Римской инквизиции, считавший церковные обряды Кирилло-Мефодиевской традиции еретическими (Там же). Подтверждением литургической нетерпимости Западной Церкви в эту эпоху служит то, что в папском Виленском алумнате, созданном стараниями А. Поссевина ещё до введения унии и предназначенном для подготовки католических миссионеров из числа этнических русских, всё образование и воспитание алумнов осуществлялось в латинской обрядности, чтобы «культура в узком смысле римская, западная вошла в их плоть и кровь» (Poplatek 1994: 106). Таким образом, несмотря на громкие декларации, изначально в глазах Рима униаты были в положении людей, которым только предстоит достичь «истинного» христианства в латинских формах богочитания. В свою очередь, правительственные круги Польши видели в унии религиозное средство этнокультурной трансформации русского населения с целью укрепления страны. Учитывая это, можно сделать вывод о том, что проблема латинизации церковной жизни и ополячивания стояла перед западнорусскими униатами очень остро.

⁴ Констатация такого религиозного состояния униатской паствы не объясняет больших потерь унии на переломе XVIII и XIX веков в пользу латинского обряда и особенно то, что многие униаты после соединения с Православной Церковью затем, минув унию, ушли в костёлы. При этом они стали называть себя поляками, а их потомки в наши дни непоколебимо убеждены в своей принадлежности к польскому народу. Здесь нужно обратить внимание на то, что изменение конфессиональной принадлежности на западнорусских землях было тесно связано с переменной этнической самоидентификации и повышением социального статуса. Хорошо известно, что российская власть в то время не устранила фактор религиозного, культурного и экономического доминирования польской католической знати в крае. Сверх того, в царствования императоров Павла I и Александра I это доминирование только возросло и, наверное, для многих тогда уже казалось неизбежным. По-видимому, это заставило большую часть униатов на территориях современных Белоруссии и Украины совершить акт не только религиозного, но и глубокого этнического ренегатства, в котором они надеялись найти выход из своего жалкого принижённого положения. Об этом см.: (Назимов Т. XLV 1885: С. 570).

к мнению Ф. Энгельса касательно духовной бесплодности унии в среде простого народа Западной Руси выглядит не слишком естественно, поскольку первым, кто высказал подобную мысль, был униатский епископ Иосиф (Семашко). Наиболее определённо он выразил её в адресованной Н. А. Протасову записке, датированной 1 декабря 1838 года. «Народ униатский, — писал Семашко, — за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в унию» (Записка от 1 декабря 1838 года, о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью 1883: 79).

Сохранившееся в начале XIX века в России греко-католическое церковное объединение составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 293). Среди них проблема убеждённости в религиозной правде унии не была решена так же, как она не была решена и в предыдущие два века. Приходское униатское духовенство не только не пропагандировало униатскую идею, но и вообще, в силу своей слабой богословской подготовки, очень мало занималось элементарной катехизацией народа. Эта проблема была предана гласности в 1780-е годы униатским визитатором Г. Туркевичем (Коялович 1999: 253). Такое положение вещей не могли изменить немногочисленные выпускники папского Виленского алумната, закрытого в 1799 году, и католической Главной семинарии при Виленском университете, открытой в 1803 году. Оно оставалось практически неизменным вплоть до конца существования унии в России, так что, по замечанию современной исследовательницы этой проблемы М. Корзо, «сведений о непосредственных методах катехизации в униатской церкви ещё меньше, чем о её содержании» (Корзо 2007: 456).

Надо отметить, что отсутствие религиозного просвещения среди униатов было известно российскому правительству, и оно пыталось предпринимать шаги для исправления ситуации. Тревожными выглядели сведения о том, что на 1807 год в Полоцкой униатской епархии число учеников в приходских школах составляло лишь 111 человек (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1807: 659). Поэтому в июле 1808 года правительство обязало как православных, так и униатских священников проявить активность в деле просвещения народа и открыть приходские училища. В ряду предметов преподавания назывался и катехизис (Высочайше утверждённый Устав для приходских Училищ в Губерниях Волынской, Киевской и Подольской 1830: 1251).

Однако униатское духовенство за малым исключением⁵ не откликнулось на этот призыв правительства под предлогом недостатка средств⁶.

Отсутствие религиозного просвещения народа в униии нашло отражение в официальных документах. Например, Витебский, Смоленский и Могилёвский генерал-губернатор Н. Хованский в 1824 году сообщал митрополиту Иосафату (Булгаку), что по собранным им сведениям «в некоторых местах невежество крестьян столь велико, что они не знают даже христианских молитв». Также Хованский обращался к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицину с просьбой, чтобы тот обязал униатское священноначалие наконец заняться религиозным «воспитанием белорусских крестьян» (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 294). При этом Хованский отмечал, что униатскую паству составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 293).

После воссоединения в 1839 году невежество простого народа в вере ощущалось ещё долгие десятилетия и преодолевалось православным духовенством с большим трудом. Так, в 1848 году Минский епископ Михаил Голубович в официальном отчёте об обозрении своей епархии отметил практически полное отсутствие катехизических знаний среди бывших униатов (Мальшевский 1860: 191–192). Даже в 1880 году приходской священник Великорытского прихода Брестского уезда с горечью писал в церковной летописи: «Умственное и нравственное развитие прихожан находится на самой низкой степени, и много пройдёт времени, пока поднимется до желаемой высоты... Сущности религии не понимают и требования её не исполняют... Всё спасение полагают на чтение искажённых молитв, смысла которых не понимают, и в строгом исполнении постов и местных обычаев. При таком развитии суеверий и предрассудков распространено много» (цит. по: (Шевкун 2019).

Невежество западнорусских униатов в Речи Посполитой не было случайным явлением. Оно культивировалось искусственно. Известна установка польского католического общества времён Речи Посполитой, направленная на содержание западнорусского населения в нищете и невежестве, «чтобы ни деньгами, ни умом не могли помочь себе»⁷.

⁵ Например, см.: (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1823: 740–741).

⁶ Например, см.: (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1807: 668).

⁷ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью

Соответствующим образом иезуитами воспитывались униатские иерархи. Например, воспитанник членов Общества Иисуса митрополит Иосафат (Булгак) в 1820-е годы вполне определённо высказывался в том духе, что для униатских священников наука не нужна. Достаточно, если они будут уметь исполнять обряды (Морошкин 1860: 250). Полоцкий архиепископ Василий (Лужинский) свидетельствовал, что не только в униатские времена помещики-католики препятствовали распространению религиозного просвещения среди своих крепостных, но продолжали это делать и после Полоцкого объединительного Собора. В своих записках он писал: «Большая часть помещиков в грамотности крестьян видят почему-то большую для себя и для них невыгоду и не хотят отдавать крестьянских детей в училища к православным священникам, где бы они всего легче, правильнее и надёжнее изучили молитвы и истины веры и благочестия» (Василий (Лужинский) 1885: 256).

Учитывая сказанное, невозможно серьёзно говорить о сознательной приверженности полуторамиллионной униатской паствы в России идее восстановления христианского единства через союз Церквей. Здесь скорее приходится констатировать религиозное невежество простого народа. Его проявлением было усиление до крайней степени обрядоверия, а следствием — расцвет среди рядовых униатов древних языческих суеверий⁸.

На религиозное состояние униатов, особенно на белорусских землях, также влияли внешние условия жизни, характеризующиеся жесточайшей экономической эксплуатацией со стороны помещиков-католиков и этнокультурным давлением полонизма. По свидетельствам образованных людей тех лет, белорусы находились в ужасном состоянии, владели жалкое, нищенское существование. Согласно воспоминаниям Я. А. Чебодько, «белорус на вид был грязен, боязлив, худ, крайне слаб и, кроме того, отличался ещё тупоумием и склонностью к суевериям» (Чебодько 1910: 36). Мнение Я. Чебодько разделяет и протоиерей П. Янковский, который свидетельствует, что белорусский простолюдин начала XIX столетия — «это несчастный, угнетённый, долго помыкаемый сирота... но с огромным притом запасом веками выработанной хитрости и лукавства. Круглому сироте для самосохранения и не остаётся, пожалуй, другой защиты» (Янковский 2004: 133).

(с заметками Сербиновича К. С.) и записки Сербиновича К. С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории Унии. Л. 41.

⁸ Которые в наше время очень нравятся культурологам и фольклористам, видящим в них особую врождённую черту белорусов.

Подобные мнения современников не единственные. В воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, наблюдавшего белорусов во время путешествия из Кишинёва в Петербург в 1829 году, имеется свидетельство, которое объёмно раскрывает положение белорусов-униатов в последнее десятилетие перед упразднением унии. Обширную цитату из его мемуаров желательнее воспроизвести полностью. «После того въехал я в Белоруссию... — пишет Вигель, — грустно мне подумать, как все эти места, от самого Днестра, мною проеханные, искони русские, носили на себе тогда и, кажется, носят и поныне печать польского владычества. Жители почти все оставались тверды в православии или выступали из него только в унию; но где их было видеть? Помещики богатые и небогатые, шляхтичи, которых, вопреки их притязаниям на дворянство, следует почитать мещанами, духовенство высшее и низшее, все это были поляки, были католики; наконец евреи, которые в руках своих имели всю торговую часть; все эти слои как бы густою, непроницаемою корой покрывали собою и подавляли чистейшую, лучшую часть народонаселения. Кого путешественник мог встретить в городских заезжих домах, в почтовых, на станциях? с кем единственно мог иметь он дело? С ляхами да с жидами. Ту же самую разность, которую внимательный путник находит между климатами в областях на западе, возвращённых нам от Польши, встречает он и в наружности, и в характере их жителей. В древней России, в губерниях Подольской, Волынской, Киевской, украинцы, потомки храбрых казаков, несмотря на тяготеющее над ними иго польских помещиков, сохраняют вид крепкий, здоровый, весёлый, какое-то молодечество, смелость в движениях и речах; сохраняют также язык, которым простой народ говорит от Харькова до Лемберга. Другое славянское племя, населявшее всегда Белую Русь, говорит наречием хотя так же славянским, но менее понятным и менее приятным. По крайней мере жители Минской губернии, имея наружность дикую, весьма некрасивую, ещё похожи на людей. В других же двух губерниях (имеется в виду Могилёвская и Витебская губернии. — А. Р.) поселяне, живущие на бесплодной почве и подавленные владельцами, начинают сходствовать с рабочим скотом, нуждающимся в пище» (Вигель 1865: 41–42).

Страшное свидетельство о состоянии униатской паствы оставил витебский губернатор И. С. Жиркевич. В беседе с Д. Н. Блудовым он говорил: «Витебский крестьянин — не человек (из дальнейшего очевидно, что Жиркевич имел в виду социальную неразвитость и экономическую порабощённость белорусских крестьян-униатов. — А. Р.). Он ни чувств,

ни религии не имеет. Слушает всякого, кто перед его глазами. Ксендз, чиновник, помещик действуют им, как машиной, и я могу удостоверить ваше высокопревосходительство, что в теперешнем положении крестьянина, прикажи ему не только перейти в православие, но и в магометанство, он и это беспрекословно делает и опомнится в новом законе только тогда, когда его накормят. Не было примеров, чтобы занимались религиозными вопросами, когда в животе вместо хлеба — древесная кора и мох, как у витебского крестьянина. Накормят его, говорю я, и он сочтёт это благим последствием перемены и навсегда подчинится оной» (Из бумаг генерала И. С. Жиркевича 1892: 151–152).

Представители российской администрации в Северо-Западном крае с удивлением отмечали неестественную покорность народа, «постоянно готового повиноваться той власти, которая его будет руководить» (Из записок Ф. Я. Мирковича 1890: 427). Отсюда следовало, что униатское церковное объединение в описываемое время критически зависело от поддержки со стороны польских землевладельцев-католиков. В их руках находилось материальное благополучие крепостных крестьян, а потому они имели огромное моральное влияние на своих подданных, которые вынуждены были во всём соглашаться со своими панами. Это хорошо понимали правительственные круги России. Успешное воссоединение униатов с православными в 1795 году во многом было обеспечено тем, что императрица Екатерина II вменила в обязанность Минскому, Волынскому, Подольскому и Брацлавскому генерал-губернатору Т. И. Тутолмину наблюдать, чтобы никто из помещиков-католиков, чиновников, а также представителей духовенства униатского и латинского обрядов не препятствовал желающим оставлять унию. Всякое нарушение, как действие, направленное против государства и монаршей воли, должно было приравняться к уголовному преступлению, подлежало суду и влекло за собой лишение имений (Об устранении всяких препятствий к обращению Униат к Православной Греческой Церкви 1830: С. 509–511).

Невежество и угнетённость в совокупности вели к тому, что простые униаты не могли должным образом ориентироваться в церковной сфере и выражать собственную волю. Единственное, что им оставалось, — это слепо доверять приходским священникам, которые являлись для них самой близкой и родной интеллигентной силой. На тесную и доверительную связь духовенства и паствы в униии в 1797 году в рапорте императору Павлу I указал З. Я. Корнеев, засвидетельствовав, что народ «готов

следовать за ними (за униатскими священниками. — А. Р.) повсюду» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1566).

Культивирование религиозного невежества и социально-экономическое порабощение народа не вызывают симпатий, но результатом этого явилось то, что в униатской пастве в описываемое время укоренился и торжествовал простой принцип: вероисповедание пастыря определяет вероисповедание паствы. С одной стороны, в этом была сила унии, позволившая ей сохраниться на переломе XVIII и XIX веков в тех регионах, где униатское духовенство проявило верность Риму и соответствующим образом повлияло на народ. Но, с другой стороны, в этом для греко-католического объединения была очевидная опасность. Учитывая ту лёгкость, с которой российское правительство законодательными и силовыми мерами могло ограничить влияние на крестьян-униатов со стороны помещиков-католиков в религиозной сфере, приходится сделать вывод о том, что существование католичества восточного обряда в России в последние десятилетия перед общим воссоединением униатов с православными в 1839 году оказалось в руках клира, а вернее, горсти тех людей — иерархии, начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества, — которые формировали убеждения и направляли деятельность приходских священников. В этой просвещённой среде могла либо зародиться естественным образом, либо быть внедрена извне мысль о возможности и даже необходимости возвращаться к православному вероисповеданию как господствующему в государстве.

На настроение в среде униатского народа значительно повлиял массовый переход униатов в Православную Церковь в 1794–1795 годах. Он послужил нарастанию межконфессиональной напряжённости среди населения. В рапорте императору Павлу I в 1797 году З. Я. Корнеев отметил, что народ не имеет твёрдого «понятия о униатском исповедании веры, ни мало не противится и благочестивому; но тем токмо огорчён, что, по обращении церковей их из униатских в благочестивые, лишились они всех выгод, коими прежде пользовались, а именно перестали униатские священники из соседних приходов ходить к ним с крестами и образами, в храмовой и прочие праздники для процессии, от чего по местечкам и сёлам пресеклось стечение народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средств продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свидания с родными из других деревень прекратились, и они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчуждёнными от всякого сообщества: ибо, за строгим запрещением униатским попам давать требы

прихожанам благочестивых церквей, не принимают их нигде в праздники и по другим селениям, но бегают и чуждаются» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1562).

Обособленное положение немногочисленных православных приходов среди множества униатских, которое наблюдалось после екатерининского воссоединения, люди переживали тяжело. Поэтому некоторые из воссоединённых, не понимая разницы между православием и унией, желали, чтобы все сельские общины были одинаково либо униатскими, либо православными «дабы по-прежнему иметь сношение со всеми беспрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1562–1563).

Изучая межконфессиональную ситуацию в Минской губернии, З. Я. Корнеев не обнаружил единодушной твёрдости воссоединённых от унии в 1795 году прихожан в православии. В то же время он сообщает, что никто из верующих не стремится обратно в унию, но только люди желают восстановить вероисповедное единство со своими соседями и родственниками. Учитывая неразрывные всеобъемлющие связи людей между собой, без сомнения, то же стремление восстановить нормальную жизнь присутствовало и у униатов. В итоге можно говорить об имевшей место неудовлетворённости народа сложившейся конфессиональной ситуацией, что при условии непонимания верующими вероучительных различий между православием и униатским изводом католичества создавало почву для благосклонного отношения людей к возможному общему воссоединению униатского населения с православным по житейским причинам.

Принимая во внимание сказанное, можно сделать вывод о том, что состояние униатской паствы было отягчено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которое состояло в религиозном невежестве и тяжёлом социально-экономическом положении простого народа, и не обеспечивало верность верующих грекокатоликов унии. Также уния, в которой за два века её существования восторжествовал клерикализм, оказалась критически зависима от наиболее образованной и энергичной части своего клира — начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества. Никто не мог гарантировать, что в среде этих людей — подданных российского государства — не возникнет идея перейти в господствующее вероисповедание. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворённость людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения 1794–1795 годов. Разделение разрывало соседские, родственные и даже

экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии независимо от того, будет это уния или православие. Состояние униатской паствы хорошо знал и понимал архиерей-воссоединитель Иосиф (Семашко). Этим объясняется то, что в его проекте общего воссоединения униатов с православными, выдвинутого в 1827 году, ни слова не говорится о необходимости убеждения униатов возвращаться к православному вероисповеданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Адрианов И., свящ. Православная оценка Унии // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры, Минск, 22–24 мая 2001 г. : в 2 ч. — Минск : ООО «Ковчег», 2002. — Ч. 1, кн. 1. — С. 126–144.

Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. — Минск : Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. — 299 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого и Витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-Униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с православною российскою церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. — Казань : Казанская духовная академия, 1885. — 312 с.

Вигель Ф. Ф. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля : в 7 ч. — М. : В Университетской типографии (Катков и К^о), 1865. — Ч. 7. — 146 с.

Высочайше утверждённый Устав для приходских Училищ в Губерниях Волынской, Киевской и Подольской // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 29 (1806–1807), № 22605. — С. 1250–1259.

Записка от 1 декабря 1838 г., о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью // Записки Иосифа Митрополита Литовского. — Т. 2. — СПб. : Тип. императорской Академии Наук, 1883. — С. 78–84.

Из бумаг генерала И. С. Жиркевича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1892. — Т. XLVIII. — 920 с.

Из записок Ф. Я. Мирковича. Фёдор Яковлевич Миркович: 1786–1876. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам // Русский архив. — 1890. — Кн. 1, вып. 3. — С. 395–435.

Ипатий (Потей), митр. Грамота Киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 года. 1605 г. // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. — Т. 7, ч. 1. — Киев, 1887. — С. 193–231.

Корзо М. А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI — XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. — М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. — 672 с.

Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён. — Минск : Лучи Софии, 1999. — 400 с.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви : в 9 т. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. — Кн. VI: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). — 797 с.

Мальшевский И. Несколько замечаний по поводу крестьянских при церквях школ в Минской епархии // Труды Киевской духовной академии. — 1860. — Кн. 1. — С. 167–241.

Морошкин М., свящ. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени : в 2 ч. — СПб. : Тип. Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867–1870. — Ч. 1: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I, 1867. — 501 с.

Назимов И. В. Владимир Иванович Назимов: очерк из новейшей летописи Северо-Западной России // Русская старина. — 1885. — Т. XLV, январь-февраль-март. — С. 385–410, 555–580; 1885. — Т. XLVI, апрель-май-июнь. — С. 323–338.

Об устранении всяких препятствий к обращению Униат к Православной Греческой Церкви // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Т. 23. — № 17199. — СПб. : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 974 с. — С. 509–511.

Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. 1701–1839. — Т. 2. — СПб. : Синодальная типография, 1807. — 1631 с.

Пирлинг П. Россия и папский престол. — М. : Печатня А. Л. Будо, 1912. — Кн. I: Русские и Флорентийский собор. — 452 с.

Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. — 1869. — Т. 12. — Стлб. 1559–1566.

Русина Е. В. Послание Мисаила 1476 г.: бытование, рецепция, информационные ресурсы // Исследования по истории Восточной Европы. Серия «Studia Historica Europae Orientalis». — 2021. — Вып. 14. — С. 57–77.

Чебодько П. Я. Из воспоминаний белоруса Я. А. Чебодько. — Киев : Печатня Ив. Васильченко, 1910. — 36 с.

Шевкун П. В. Формирование национальной идентичности в Беларуси (XIX — начало XX в.) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. — Вып. 3 / под ред. И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. — Минск : РИВШ, 2019. — 246 с. — С. 176–192.

Янковский П., свящ. Записки сельского священника. — Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. — 380 с.

Галадза П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. — Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. — С. 5–6.

Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. — 2-е вид. — Мінск : Беларуская навука, 2019. — 573 с.

Іпатій Потей І, мітрополіт. Оборона Флорентійського собору восьмого проти фальшивого (собору), недавно виданого ворогами з'єдинення — у Вільні — 1604 року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II.* — Romae, 1996. — Vol. XV. — P. 396–459.

Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). — Гродна : ГрДУ, 2001. — 352 с.

Poplatek J. *Alumnat papieski w Wilnie. Z dziejow szkolnictwa jezuzickiego w Polsce // Wybor artykulow.* — Kraków : Wydawnictwo WAM — Księza Jezuici, 1994. — 259 s.

Сведения об авторе:

Протоиерей Александр Александрович Романчук — кандидат богословия, председатель Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии, 231822, Белоруссия, Гродненская область, Слонимский район, агрогородок Жировичи, ул. Соборная, 55, e-mail: romanчук_alex@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

Archpriest A. A. Romanchuk

SYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BELARUSIAN EXARCHATE,
MINSK THEOLOGICAL SEMINARY,
ZHIROVICHY, BELARUS

The Situation of the Uniate Community Within the Russian Empire on the Eve of the Synod of Polotsk of 1839

Abstract. Drawing from sources of both personal and official origin, the article delves into the condition of the Uniate community in the decades leading up to the Unification Synod of Polotsk in 1839. The position of the Uniates and the state of their religious life at that time exhibited several characteristics that significantly contributed to the success of the project for their collective reunification with the Orthodox Church. The Uniates' low social status, dismal economic conditions, moral reliance on Latin Catholic landlords, and a notably inadequate level of religious education are highlighted. The conclusion drawn is that the condition of the Uniate community was exacerbated by the legacy of the confessional policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which aimed at fostering religious ignorance among Uniate believers, alongside the socio-economic oppression inflicted upon the common people by the Catholic gentry. The prevailing situation within the Uniate church association failed to foster a conscious commitment among ordinary believers to the union by the end of the 18th century through the second quarter of the 19th century. Additionally, the union, where clericalism prevailed over the course of two centuries, was critically dependent on the most educated and energetic segment of its clergy—the ruling clergy and educators of spiritual youth. There was no assurance that among these individuals, who were subjects of the Russian state, the notion of converting to

the dominant religion would not emerge. A significant threat to the Uniate church association stemmed from the discontent among the people regarding the confessional division that emerged following the reunification of the Uniates with the Orthodox Church in 1794–1795. The division severed neighborly, kindred, and even economic ties, prompting a desire among the people to restore a shared affiliation within a single religious denomination.

Keywords: Orthodoxy, Catholicism, union, congregation, reunification, Unification Synod of Polotsk of 1839

For citation: Romanchuk, A. A., Archpriest. (2024). The Situation of the Uniate Community Within the Russian Empire on the Eve of the Synod of Polotsk of 1839. *Orthodoxia*, (4), 10–29. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-10-29

REFERENCES:

Adrianov, I., Priest. (2002). Pravoslavnaia otsenka Unii [Orthodox Assessment of the Union]. In *VII Mezhdunarodnye Kirillo-Mefodievskie chteniia, posviashchennye Dniam slavianskoi pis'mennosti i kul'tury, Minsk, 22–24 maia 2001 g. : v 2 ch.* (Part 1, book 1). Minsk : OOO “Kovcheg”, 2002. [In Russian].

Afanasy (Martos), Archbishop. (1990). *Belarus' v istoricheskoi gosudarstvennoi i tserkovnoi zhizni* [Belarus in the Historical State and Church Life]. Minsk : Belorussky Ekzarkhat Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (1885). *Zapiski Vasilii Luzhinskogo, arkhiepiskopa Polotskogo i Vitebskogo, chlena sviateishego pravitel'stviuushchego Vserossiiskogo sinoda o nachale i khode okonchatel'no sovershivshegosia dela vossoedineniia greko-Uniatskoi Tserkvi v Belorussii i Volyni s pravoslavnoiu rossiiskoiu tserkov'iu, napisannye v kontse tysiacha vosem'sot shest'desiat shestogo goda* [Notes by Vasily Luzhinsky, Archbishop of Polotsk and Vitebsk, a Member of the Most Holy Governing All-Russian Synod on the Beginning and Progress of the Finally Accomplished Reunification of the Greek Uniate Church in Belarus and Volhynia with the Orthodox Russian Church, Written at the End of one Thousand Eight Hundred and Sixty-Sixth Year]. Kazan : Kazanskaia Dukhovnaia akademiia. [In Russian].

Vigel, F. F. (1865). *Vospominaniia F. F. Vigelia : v 7 ch.* [Memories of F. F. Vigel: in 7 Parts]. Moskva : V Universitetskoi tipografii (Katkov i K^{co}). [In Russian].

Vysochaishe utverzhdenyi Ustav dlia prikhodskikh Uchilishch v Guberniiakh Volynskoi, Kievskoi i Podol'skoi [The Most Highly Approved Charter for Parish Schools in the Provinces of Volyn, Kiev and Podolsk]. (1830). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1* (Vol. 29 (1806–1807), № 22605, pp. 1250–1259). [In Russian].

Zapiska ot 1 dekabria 1838 g., o sposobakh poeshit' okonchatel'no vossoedinenie uniatov s Pravoslavnoi Tserkov'iu [Note Dated December 1, 1838, on Ways to Finally Resolve the Reunification of the Uniates with the Orthodox Church]. (1883). In *Zapiski Iosifa Mitropolita Litovskogo* (Vol. 2, pp. 78–84). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Iz bumag generala I. S. Zhirkevicha [From the Papers of General I. S. Zhirkevich]. (1892). *Istorichesky vestnik. Istoriko-literturnyi zhurnal*, (XLVIII). [In Russian].

Iz zapisok F. Ia. Mirkovicha. Fedor Iakovlevich Mirkovich: 1786–1876. Ego zhizneopisanie, sostavlennoe po sobstvennym ego zapiskam [From the Notes of F. Y. Mirkovich. Fyodor Yakovlevich Mirkovich: 1786–1876. His Biography, Compiled According to his Own Notes]. (1890). *Russky arkhiv*, (3), 395–435. [In Russian].

Ipaty (Potei), Metropolitan. (1887). Gramota Kievskogo mitropolita Misaila k pape Sikstu IV, 1476 goda. 1605 g. [The Letter of the Kiev Metropolitan Misail to Pope Sixtus IV, 1476. 1605]. In *Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi komissieiu dlia razbora drevnikh aktov* (Vol. 7, part 1, pp. 193–231). Kyiv. [In Russian].

Korzo, M. A. (2007). *Ukrainskaia i belorusskaia katekhiticheskaia traditsiia kontsa XVI — XVIII vv.: stanovlenie, evoliutsiia i problema zaimstvovany* [Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late XVI–XVIII Centuries: Formation, Evolution and the Problem of Borrowings]. Moscow : “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia”. [In Russian].

Koialovich, M. O. (1999). *Istoriia vossoedineniia zapadnorusskikh uniatov starykh vremen* [The History of the Reunification of the Western Russian Uniates of Old Times]. Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Makary (Bulgakov), Metropolitan. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi : v 9 t.* [Russian Church History: in 9 volumes] (Book VI: Period samostoiatel'nosti Russkoi Tserkvi (1589–1881)). Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja. [In Russian].

Malyshevsky, I. (1860). Neskol'ko zamechany po povodu krest'ianskikh pri tserkviakh shkol v Minskoi eparchy [A Few Remarks about Peasant Schools at Churches in the Minsk Diocese]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, book 1, 167–241. [In Russian].

Moroshkin, M., Priest. (1867). *Iezuity v Rossii, ot tsarstvovaniia Ekateriny II-i i do nashego vremeni : v 2 ch.* [The Jesuits in Russia, From

the Reign of Catherine II to Our Time: in 2 parts] (Part 1: Obnimaiushchaia istoriiu iezuitov v tsarstvovanie Ekateriny Velikoi i Pavla I). Saint Petersburg : Tip. Vtorogo otdeleniia sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii, 1867–1870. [In Russian].

Nazimov, I. V. (1885). Vladimir Ivanovich Nazimov: ocherk iz noveishei letopisi Severo-Zapadnoi Rossii [Vladimir Ivanovich Nazimov: an Essay from the Newest Chronicle of Northwestern Russia]. In *Russkaia starina*, (Vol. XLV, ianvar'-fevral'-mart, pp. 385–410, pp. 555–580, Vol. XLVI, aprel'-mai-iiun', pp. 323–338). [In Russian].

Ob ustranenii vsiakikh prepiatstviu k obrashcheniiu Uniat k Pravoslavnoi Grecheskoi Tserkvi [On the Elimination of All Obstacles to the Conversion of the Uniate to the Orthodox Greek Church]. (1830). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1* (Vol. 23, No 17199, pp. 509–511). Saint Petersburg : Pечатano v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii. [In Russian].

Opisanie dokumentov arkhiva zapadnorusskikh uniatskikh mitropolitov. 1701–1839. T. 2 [Description of the Documents of the Archive of the Western Russian Uniate Metropolitans. 1701–1839. Vol. 2]. (1807). Saint Petersburg : Sinodal'naia tipografiia. [In Russian].

Pirling, P. (1912). *Rossia i papsky prestol* [Russia and the Papal Throne]. Moscow : Pечатnia A. L. Budo. [In Russian].

Raport Minskogo gubernatora Korneeva imp. Pavlu o Pravoslavii v Minskoi gubernii. 6 iulija 1797 g. [The Report of the Minsk Governor Korneev to Emperor Paul about Orthodoxy in the Minsk Province. July 6, 1797]. (1869). In *Russky arkhiv* (Vol. 12, column 1559–1566). [In Russian].

Rusina, E. V. Poslanie Misaila 1476 g.: bytovanie, retseptsia, informatsionnye resursy [Misail's Epistle of 1476: Existence, Reception, Information Resources]. (2021). *Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy. Seriia "Studia Historica Europae Orientalis"*, 14, 57–77. [In Russian].

Chebodko, P. Ia. (1910). *Iz vospominanii belorusa Ia. A. Chebodko* [From the Memoirs of the Belarussian Ya. A. Chebodko]. Kyev : Pечатnia Iv. Vasil'chenko. [In Russian].

Shevkun, P. V. (2019). Formirovanie natsional'noi identichnosti v Belarusi (XIX — nachalo XX v.) [Formation of National Identity in Belarus (XIX — early XX Century)]. In *"Dolgy XIX vek" v istorii Belarusi i Vostochnoi Evropy: issledovaniia po Novoi i Noveishei istorii: sb. nauch. tr.* (Vol. 3, pp. 176–192). Minsk : RIVSh. [In Russian].

Iankovsky, P., Priest. (2004). *Zapiski sel'skogo sviashchennika* [Notes of a Village Priest]. Minsk : Sviato-Petro-Pavlovskii sobor. [In Russian].

Galadza, P., Priest. (1997). Liturgichne pitannia i rozvitok bogoslužhen' naperedodni Beresteiskoi unii azh do kintsia XVII stolittia [Liturgical Nutrition and the Development of Divine Services in Advance of the Beresteysky Union Right up to the End of the XVII Century]. In *Beresteis'ka unii ta vnutrishne zhittia Tserkvi v KhVII stolitti: materiali Chetvertikh Beresteis'kikh chitan', L'viv, Luts'k, Kiiiv, 2–6 zhovtnia 1995 r.* (pp. 5–6). Lviv : Institut Istorii Tserkvi L'vivs'koi Bogoslovs'koi Akademii. [In Ukrainian].

Gramadska-palitychnae zhytstse ŷ Belarusi, 1772–1917 gg. [Socio-Political Life in Belarus]. (2019). Minsk : Belaruskaja navuka. [In Belorussian].

Ipatej Potei I, Metropolitan. (1996). Oborona Florentiiskogo soboru vos'mogo proti fal'shivogo (soboru), nedavno vidanogo vorogami z'edineniia — u Vil'ni — 1604 roku [The Defense of the Florence Cathedral of the Eighth against the False (Cathedral), Recently Seen by the Gates of Unification-in Wilni-1604]. In *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II* (Vol. XV, pp. 396–459). Rome. [In Ukrainian].

Marozava, S. V. (2001). *Uniiatskaia tsarkva ŷ etnakul'turnym razvitsstsi Belarusi (1596–1839 gady)* [The Uniate Church in the Ethnocultural Development of Belarus (1596–1839)]. Grodno : GrDU. [In Belorussian].

Poplatek, J. (1994). Alumnat papieski w Wilnie. Z dziejow szkolnictwa jezuitskiego w Polsce [A Papal Graduate in Vilnius. From the History of Jesuit Education in Poland]. // In *Wybor artykulów.* Kraków : Wydawnictwo WAM — Księza Jezuiici. [In Polish].

About the author:

Archpriest Alexander Aleksandrovich Romanchuk — Candidate of Theology, Chair of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Associate Professor of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Academy, Head of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Seminary, 55, Sobornaya str., Zhirovichi Agricultural Settlement, Slonim District, Grodno Region, Belarus, 231822, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.